

УДК 340.1
ББК 67.1

О КАТЕГОРИЯХ ОБЩЕГО, ОСОБЕННОГО И ЕДИНИЧНОГО В СРАВНИТЕЛЬНОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

Р. В. Насыров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

А. В. Иванов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Рассмотрен вопрос о методологическом значении категорий общего, особенного и единичного в науке сравнительного правоведения. Показано, что в правовой культуре, сформировавшейся в Западной Европе в эпоху Нового времени, отражен ценный, требующий изучения и восприятия исторический опыт, но с учетом его не универсального, а особенного характера. Обосновано теоретическое и практическое значение принципа цивилизационного многообразия в современную эпоху формирования многополярного мира.

Ключевые слова: общее, особенное, единичное, проект модерна, правовая культура.

ON THE CATEGORIES OF GENERAL, PARTICULAR AND SINGULAR IN COMPARATIVE JURISPRUDENCE

R. V. Nasyrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

A. V. Ivanov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The question of methodological significance of the categories of general, particular and singular in the science of comparative jurisprudence is considered. It is shown that the legal culture, formed in Western Europe in the New Age, reflects valuable, requiring study and perception of historical experience, but taking into account its special, not universal, character. Theoretical and practical significance of the principle of civilizational diversity in the modern era of multipolar world formation is substantiated.

Keywords: general, special, singular, modern project, legal culture.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.18](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.18)

Современность принято называть эпохой постмодерна. Это особое состояние, возникшее в результате того, что в последние три века была предпринята попытка реализовать глобальный в своих претензиях проект модерна, в основе которого «новый тип рациональности Просвещения и оптимистическая вера во всеобщий научно-технический прогресс» [1, с. 17]. Предполагалось «создать совершенного человека, совершенное общество и привести человечество к окончательному вечному миру». Как замечает В. П. Визгин, «эти обещания «отцы-основатели» проекта модерна рассматривали не как бесконечно отдаленный, практически недостижимый идеал, а как вполне реальную, близкую к осуществлению цель. Прошло примерно 350 лет. И ни одно из этих обещаний не реализовано» [2, с. 194–195]. Концептуальным изъяном идеологии Просвещения было смешение категорий общего, особенного и единичного, т. е. стремление нечто специфичное выдать за универсальное, общечеловеческое. Но даже сторонники ценностных установок и образа жизни западной цивилизации, убеждающих в том, что проект модерна не стоит отвергать полностью, признают: «Модерн представляет собой общее проблемное поле, порожденное современностью, однако интеллекту-

альные и институциональные механизмы ответов на эти проблемы могут в разных обществах широко варьироваться. Представляется неоправданным утверждать об универсальности одной — исторически первой или западной — модели Модерна, рассматривая прочие как отклонения» [1, с. 14]. Сказанное имеет прямое отношение к проблематике таких юридических наук, как сравнительное правоведение и международное право.

Проблема соотношения общего, особенного и единичного проявляется в исследовании всех правовых явлений — от отдельных актов реализации права до правовой системы общества в целом. Прежде всего необходимо указать, что эти категории имеют не только гносеологическое, но и онтологическое значение, т. е. не просто артикулируются и используются в познавательной деятельности, но и отражают соответствующие стороны и аспекты действительности. Поэтому спорным является утверждение о том, что категории общего, особенного и единичного характеризуют не сами явления или предметы, а некое знание о них, «касаются исключительно правовых норм, правовой идеологии, юридической науки, и не затрагивают правовой объективной реальности — предмета правового регулирования» [3, с. 6]. Означает ли это, например, что различие нормативного и индивидуального регулирования или сфер публичного и частного права содержится лишь в юридической науке, а в правовом регулировании эти явления не существуют. Понятия общего, особенного и единичного недостаточно трактовать только через такие категории формальной логики, как род, вид и индивид. А. А. Зиновьев пишет: «Логика ничего не утверждает о предметах, которые отображаются в терминах и высказываниях. Но законам логики в ряде случаев можно придать и вид утверждений не о свойствах терминов и высказываний, а о предметах, к которым термины и высказывания относятся (т. е. вид онтологических утверждений)» [4, с. 21].

По словам Ю. А. Тихомирова, «объекты сравнительного правоведения — не умозрительные задачи кабинетных ученых, а реальные общеправовые явления и процессы, требующие анализа, оценки и принятия адекватных государственно-правовых мер» [5, с. 41]. Бесмысленно вводить научные категории как результаты высокого уровня обобщений без их корреляции с соответствующими явлениями реальности. Так, в правовом регулировании реально существует такое юридическое явление, как правосубъектность в различных её видах: общая, отраслевая, специальная и индивидуальная. Точно также и в правовой компаративистике, с одной стороны, констатируется наличие фундаментальных и присущих всем правовым системам установок и ценностей, направленных на реализацию начал нравственности и справедливости. Но, с другой стороны, должно признаваться, что эти принципы реализуются в контексте различных культур и цивилизаций, которые характеризуются особенными и нередко уникальными (индивидуальными) чертами.

Категории общего, особенного и единичного в праве сосуществуют и предполагают друг друга, хотя характер их взаимосвязи может быть сложным и даже противоречивым. В познании всегда существует соблазн в духе картезианской методологии свести реальность к некоей очевидности, к однозначно верифицируемому, к тому, о чем возможно высказать однозначные суждения. Такой познавательной интенции соответствует единичное, конкретно воспринимаемое (вещь, тело, индивид). Отталкиваясь от этой очевидности, ученый и идеолог подвергает её обобщению и формулирует абсолютную истину. Так, всё ясно и просто определено в ст. 2 Конституции РФ 1993 г.: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Но проблема в том, что, с точки зрения логики аксиологических суждений, предикат «высший» предполагает единичного субъекта, но общество — это не просто совокупность индивидов, а сложный процесс их взаимодействия, в котором проявляется действие общих норм, принципов и, наконец, идей. Правоведы отразили основную проблему социального бытия в самом определении предмета правового регулирования — это не только поведение и бытие отдельного человека и не механическая совокупность индивидов, а общественные отношения, в которых не просто реализуются права и свободы отдельных субъектов права, а обеспечивается их сочетание, компромисс, разрешение противоречий и т. д.

Точно также и в сфере взаимодействия национальных правовых систем достижение международного мира невозможно в результате придания универсального характера представлениям о нравственности и справедливости, сложившимся внутри цивилизации, которая геополитически доминирует на определённом этапе мировой истории. Даже наполненный искренним пафосом трактат И. Канта «К вечному миру» основан на императивных требованиях, например: «Гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским» [6, с. 14]. Этот тезис в XX в. идеологи глоба-

лизации истолковывали в том смысле, что «либеральные ценности, общие для всех государств с демократической формой устройства, побуждают демократии к агрессивному поведению по отношению к не-демократиям» [7, с. 44]. Апологет либерального варианта глобализации Ф. Фукуяма, обосновывая свой миф о конце истории, невольно проговаривается и формулирует тезис о не общечеловеческой, а эксклюзивной ценности идеологии либерализма: «В конце истории нет никакой необходимости, чтобы либеральными были все общества, достаточно, чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более возвышенные формы общежития» [8, с. 144]. В результате прагматично-либеральный проект «вечного мира» оборачивается состоянием «вечной войны». Это осознают и признают многие представители западной интеллектуальной элиты и пытаются обосновать, что универсальное (всеобщее) не существует в чистом (абстрактном) виде, а всегда проявляется в особенном и единичном. В этом вопросе действует принцип такого направления в философии, как экзистенциализм — «существование предшествует сущности». В своей известной статье Ж.-П. Сартр провозглашает: «Хотя проекты могут быть различными, ни один мне не чужд, потому что все они представляют собой попытку преодолеть пределы, или раздвинуть их, или не признать их, или приспособиться к ним. Следовательно, всякий проект, каким бы индивидуальным он ни был, обладает универсальной значимостью. Любой проект, будь то проект китайца, индейца или негра, может быть понят европейцем» [9].

Важно то, что в основе гуманистических суждений, содержащихся в проекте «вечного мира» И. Канта, лежит принцип «законничества», предполагающий значительную юридизацию социального бытия, что является специфичной чертой именно западной цивилизации (в варианте проекта Модерна). В политическом дискурсе игнорирование этой реальности возможно трактовать как интеллектуально-логическую уловку — нечто особенно-специфичное выдается за общее, универсальное. Правовед индийского происхождения Синха Сурия Пракаш считает, что формальное право стало главным принципом жизни именно западной цивилизации, и выступает за утверждение начал цивилизационного плюрализма [10, с. 10–11]. Поводом для таких утверждений является тот факт, что под лозунгом внедрения универсальных принципов и идей, сформулированных в одной цивилизации, могут навязываться не соответствующие коду данной культуры представления о месте формального права в общественной жизни. В диалоге цивилизаций и соответствующих правовых культур возникают недоразумения, когда одна сторона выдает свой, образно говоря, «квадрат», за единственную симметричную фигуру и воспринимает все остальные фигуры (шестигранник, овал, круг) как неправильный или даже уродливый «квадрат».

В современном общественном дискурсе широко используется концепт «цивилизация», который в его адекватном значении означает восприятие общества как уникального сочетания множества черт и факторов — исторических, религиозно-духовных, экологических, экономических, политических и иных. Но часто этот термин употребляется не просто в искаженном смысле, а в противоположном («перевернутом») значении общества, в котором воплотились некие универсальные для всех культур и народов социальные институты и нормы.

В гуманитарных, в том числе исторических, науках до сих пор проявляется европоцентризм, когда основное внимание уделяется истории Западной Европы и США, а иные культуры и цивилизации оказываются как бы «на обочине» мировой истории. Поэтому невольно возникает ложное представление о превосходстве западной цивилизации, и установка лишь скопировать ее идеи и институты. В целом, идеи европейского Просвещения в своих принципиальных установках и форме выражения отражают специфичный опыт западной цивилизации. В настоящее время тезис о безусловной универсальности («общечеловечности») западной правовой культуры ставится под сомнение её же представителями: «В прошлом Человек Запада уверенно нёс с собой свой закон по всему миру. Однако сегодня мир подозрительно относится к западной «законности», еще подозрительнее, чем раньше. Человек Востока и Человек Юга предлагают иные альтернативы. Да и сам запад засомневался в универсальной пригодности своего традиционного представления о праве, в особенности для незападных культур. Право, раньше казавшееся «естественным», оказывается всего лишь «западным» [11, с. 48].

В вопросе признания самобытности культур и цивилизаций важно знать меру, поскольку специфика права как формально-нормативной системы, включающей в себя технико-юридические элементы, допускает заимствования и взаимовлияния. В этом технико-юридическом аспекте достижения западной юридической науки несомненны и заслуживают внимания со стороны юристов

всех стран. Но невозможно скопировать иную правовую культуру в целом. Важнейшим и наиболее точным критерием оценки правовой культуры является достигнутый уровень самоидентификации и самореализации той или иной цивилизации в сфере права. Все элементы правовой системы общества (источники права и соответствующие юридические конструкции, правоохранительная система, юридическая практика и наука, правовое образование и воспитание) должны соответствовать цивилизационному облику данной страны. Американский компаративист К. Осакве в духе исторической школы права так определяет первую аксиому сравнительного правоведения: «Право, как язык и музыка, есть нормативное выражение истории, психики, психологии, традиций и культуры каждого народа (нет и не может быть двух идентичных национальных правовых систем в мире)» [12, с. 21].

С учетом сказанного выше необходимо определить место российского права в географии правовых систем мира. Положение России в целом на геополитической карте мира изначально оказалось противоречивым. Ясно, что Россия по своим геополитическим и иным характеристикам является цивилизацией-державой. Одновременно она выступает как часть христианско-европейского мира и активно заимствует достижения более динамично развивающегося западного соседа, в том числе и идеологии, которые предполагают снижение уровня идеократичности культуры в целом. И это приводит не просто к известной отчужденности представителей российской элиты от народа с соответствующими (отраженными в художественной и философско-публицистической литературе) внутренними переживаниями. Возникает противоречивая цивилизация, образно говоря, в плоть которой «влили кровь иной группы», что и приводит к кризисам, ставящим российскую цивилизацию на грань гибели. В отличие от Китая и Индии, для России не только географическая, но и культурно-информационная близость Западной Европы-метрополии создает опасность недостижения страной цивилизационной идентичности. А. С. Панарин отмечает: «Следование концепции догоняющего развития всегда сопровождается скрытым комплексом неполноценности и вины. Это может быть и вина перед собственной, прерванной и поруганной традицией (реформаторы не могут просто оставить ее в покое, им надо ее дискредитировать), и вина, связанная с несовершенством «интерпретации и заимствования чужого опыта» [13, с. 43]. Для России подобные метания между наглядной и бесспорной устроенностью непосредственного соседа и невозможностью полностью повторить его опыт продолжаются уже несколько столетий.

Подводя итог, укажем, что опыт развитых правовых систем убеждает в том, что достижения в сфере права — это всегда результат длительной эволюции и постоянного накопления собственного опыта. На это ориентируют изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., и официальное признание России «самобытным государством-цивилизацией, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державой» [14]. Заимствования неизбежны, но они не могут стать определяющим фактором становления собственной правовой системы. От ученых-юристов требуется высокая культура мышления, основанная не на противопоставлении или смешении общего, особенного и единичного в праве, а на их оптимальном и творческом сочетании. Приходится констатировать, что российскому доктринальному правосознанию еще предстоит стать правовым самосознанием. Здесь можно привести следующее суждение М. Хайдеггера: «Мысль ... допускает бытию захватить себя, чтобы сказать истину бытия» [15, с. 192]. Признаем, что отечественная юридическая мысль еще не в полной мере погрузилась в уникальное правовое бытие России, чтобы сказать истину о нем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мартьянов В. С. Политический проект Модерна. М. : РОССПЭН, 2010.
2. Визгин В. П. Кризис проекта модерна и новый антропотеокосмический союз // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М. : ИФРАН, 2002.
3. Васильев А. А., Маньковский И. Ю., Куликов Е. А. Категории общего, особенного и единичного в праве: аспекты общей теории // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1 (84).
4. Зиновьев А. А. Логика науки. М. : Мысль, 1971.
5. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М. : НОРМА, 1996.
6. Кант И. К вечному миру. Философский проект. Соч. в 8 т. Т. 7. М. : Наука, 1994.
7. Саликов А. Н. Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира // Кантовский сборник. 2012. Вып. 4 (42).

8. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
9. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1726705426&tld=ru&lang> (дата обращения: 02.09.2024).
10. Синха Сурия Пракаш Юриспруденция. Философия права. М. : Академия, 1996.
11. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : НОРМА, 1998.
12. Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенности части. М. : Дело, 2000.
13. Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М. : Изд-во МГУ, 1997.
14. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. N 14. ст. 2406.
15. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993.